

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Настоящий том продолжает издания кафедры русской литературы Тартуского университета, подготовленные в рамках проекта «Идеология перевода и перевод идеологии: механизмы культурной динамики в Эстонии в условиях российской и советской власти в XIX–XX вв.»¹. Сборник состоит из двух разделов и включает в себя статьи участников двух международных научных семинаров: «Стратегии перевода и государственный контроль» (Тарту, 8–10 декабря 2016) и «Учебник как идеологический текст» (Тарту, 29–30 сентября 2017), также проведенных в рамках проекта. В центре исследовательского внимания оказываются взаимоотношения государственных институтов и членов переводческого сообщества в советский период; идеология и поэтика переводов художественных произведений, вошедших в русско-советский литературный канон; механизмы трансляции идеологии в имперских и советских школьных учебниках.

В методологическом плане можно указать на единство большинства исследований этой книги. Ряду авторов близок подход к описанию советской системы, представленный в книге Алексея Юрчака о позднем социализме, в которой выявляются «несоответствия, сдвиги, разрывы внутри системы — на уровне ее дискурса, идеологии, смыслов, практик, социальных отношений, структуры времени и пространства, организации повседневности и так далее, — которые привели к возникновению этого парадокса, к ощущению системы как вечной, при ее одновременной внутренней хрупкости»². Применительно к материалу сборника можно сказать, что в целом ряде публикуемых работ показано, как возникали и постепенно нарастали «несоответствия» и «сдвиги» в тоталитарном переводческом дискурсе, приведшие в конечном итоге к его разрушению и уничтожению.

¹ IUT34-30 Tõlkeideoloogia ja ideoloogia tõlkimine: kultuuridünaamika mehhanismid Eestis vene ja nõukogude võimu tingimustes 19.–20. sajandil / Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th – 20th Centuries. Руководитель проекта Л. Пильд. См. предыдущее издание: Идеологические контексты русской культуры XIX–XX вв. и поэтика перевода / Ed. L. Pild // Wiener Slavistischer Almanach. Wien: Peter Lang, 2017. Sb. 93.

² Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М., 2014. С. 34 (см. оригинал: *Yurchak, A. Everything Was Forever, Until It Was No More: the Last Soviet Generation*. Princeton University Press, 2006).

Первый раздел сборника посвящен проблемам идеологического контроля над деятельностью переводчиков в Советском Союзе. В ряде статей анализируются формы вмешательства цензуры и других государственных институций в их деятельность, а также стратегия переводчиков и комментаторов «неправильных», с точки зрения советского литературного канона, произведений. В работе **Н. Азаровой** рассматриваются особенности восприятия поэзии Мао Цзэдуна в контексте советских переводческих и литературоведческих установок 1950-х гг. Вопреки ожиданию, поэзия Мао не соответствовала каноническому образу творчества коммунистического лидера: его стихи были сложны по своей структуре, поэтому переводились мало и остались почти неизвестными советскому читателю. Исследование **Л. Найдич** и **А. Павловой** посвящено цензурным запретам, которым подверглись переводы немецкой литературы. Анализируются переводы на русский язык произведений Г. Бёлля, В. Кёппена и Ф. Дюрренматта. Среди «запретных» авторы выделяют неудобные власти интерпретации исторических событий; «еврейскую» тему, отношение к которой объясняется государственным антисемитизмом в СССР; область сексуального, а также тему разгрома церкви и пропаганды атеизма в Советском Союзе. В статье **Н. Камовниковой** исследуется ситуация в СССР 1960–1980-х гг., когда предварительным условием для признания писателя, пишущего на одном из национальных языков, стал перевод его произведений на основной государственный (т. е. русский) язык. Чтобы обеспечить свое литературное будущее, писатель должен был сделать так называемый «свободный» выбор, который в действительности превращался в «осознанную необходимость». В статье **Е. Земсковой** показано, при каких обстоятельствах в 1930-е гг. занятия художественным переводом стали восприниматься как профессия, отдельный вид писательской деятельности. Бюрократическая машина Союза советских писателей политизировала переводческую деятельность и сделала возможным причисление переводчиков, не вполне благонадежных членов общества, к «сословию» творческих работников.

К выделенной группе статей примыкают исследования **А. Шаховой** о влиянии работы Сталина «Марксизм и языкознание» на «смену парадигм» в советском языкознании и переводоведении начала 1950-х гг. и **Р. Бендер** об эстонских переводах и рецепции произведений прибалтийско-немецких писателей в советскую эпоху. Автор заключает, что в Советской Эстонии за «железным занавесом» представление о 700-летнем подневольном существовании эстонцев под немецким владычеством было интегрировано в марксистскую концепцию истории. Участие прибалтийских немцев в литературе, особенно в сталинское время, почти всегда

представлялось в негативном ключе и в результате постепенно стиралось из культурной памяти.

Другой блок исследований первого раздела посвящен случаям «гибкого» отношения к прескриптивным нормам в переводе (вплоть до их полного игнорирования) и выяснению причин подобной практики у редакторов издательств и переводчиков художественной литературы в Эстонии в 1940–1970-е гг. В статье **А. Ланге** рассматривается деятельность первой редакции известной литературной серии “Loomingu Raamatukogu”/«Библиотека журнала “Лооминг”» в 1957–1972 гг., когда ее главным редактором был маститый переводчик Отто Самма, много сделавший для того, чтобы в печати могли появиться произведения, противостоящие тоталитарному дискурсу. «Личные отношения», связывавшие его с Москвой, приобретали важное значение при получении разрешения на публикацию, а также при привлечении сотрудников, позволяли нарушать официально установленные правила и манипулировать правящими институтами. Однако возможность избежать жесткой идеологической регламентации находили и сами эстонские переводчики. Как показано, в статье **Л. Пильд** об эстонском переводе романа Алексея Толстого «Петр Первый», осуществленном известным прозаиком Фр. Тугласом в 1940-е гг., осознанное дистанцирование переводчика от идеологической составляющей оригинального текста, которая была для него неприемлемой, и сосредоточенность на стилистической стороне романа становились возможными благодаря отсутствию четких директив, определявших норму перевода на языки национальных республик.’

Отсутствие эксплицированных предписаний в этой области даже заставило некоторых переводчиков формулировать правила внутренней цензуры с целью распространить их на все переводческое сообщество и обезопасить таким образом корпорацию от возможных преследований. Например, 22 февраля 1950 г., накануне VIII пленума ЦК КПЭ, после которого начались политические репрессии, переводчик Вяйно Линаск, редактировавший перевод романа «Петр Первый» (по-видимому, для второго издания книги), писал Фр. Тугласу: «Учитывая мнение, выраженное в издательстве на последнем открытом партийном собрании, что в переводе “Петра Первого” встречается очень много малоизвестных слов, и поэтому чтение произведения для широкого читателя затруднено, я заменил в нем такие слова

на общеизвестные, а также в ряде мест изменил предложения на более удобочитаемые»³.

С наступлением «оттепели» круг возможностей избежать прямого идеологического давления государственных институтов в Эстонии, как и в других союзных республиках, расширяется. В статье **С. Купп-Сазонов** показано, как удалось скрыть от Главного управления по делам литературы и издательств подготовку к публикации эстонского перевода романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Перевод, осуществленный М. Варик и Ю. Оямаа, вышел в свет в конце 1968 г. Автор статьи, основываясь на интервью с переводчиками «Мастера и Маргариты», заключает, что и они, и главный редактор издательства считают выход романа Булгакова на эстонском языке своей небольшой победой над цензурой.

Ко второй половине 1970-х гг. на новый уровень выходит переводческая трактовка русской классической поэзии. Как показано в работе **Т. Степанищевой**, исследующей поэтику сборника 1977 г. «Ilmsi ja ulmsi» / «Наяву и во сне», переводчики А. Эхин и Л. Сеппель обратились к текстам тех русских поэтов XIX в., которые не занимали главных мест в советском литературном каноне. Поэты-классики Фет и Тютчев трактуются переводчиками как «певцы сложных психологических состояний» и неявно противопоставляются менее интересному для них поэту Некрасовской школы Никитину. Автор статьи приходит к выводу, что эти переводы следует рассматривать не как выполнение официального заказа, а как авторский опыт художественного перевода, в ходе которого Эхин и Сеппель решали свои творческие задачи. Своеобразной формой противостояния властным структурам можно считать и переводческую деятельность Цветаевой в поздний период творчества. Как показано в статье **М. Боровиковой**, помимо «заказных» переводов второстепенных поэтов, Цветаева обращается к произведениям Ш. Бодлера, которые не были связаны с официальным заказом и необходимостью переводить для заработка. Цветаевские переводы из Бодлера демонстрируют глубинную связь с ее оригинальным творчеством.

Отдельную группу в сборнике составляют работы, анализирующие теоретические проблемы перевода в советскую эпоху. Важное место в них

³ Ср.: «Arvestades viimasel lahtisel parteikoosolekul kirjastuses avaldatud arvamust, et «Peeter Esimese» tõlkes esineb väga palju vähetuntud sõnu, mistõttu teose lugemine on laiaelele rahvahulka dele raskendatud, asendasin käesolevas töös selliseid sõnu üldtuntumatega ja muutsin kohati ka lauseid pisut kergemini loetavamaks» (Väino Linaski kiri Fr. Tuglasele. 22. veebr. 1950 [KM EKLA f. 245; 42:19]). В каких формах проявлялась самоцензура в сталинскую эпоху и в постсталинское время, еще предстоит исследовать.

занимает вопрос о языке описания процесса перевода. Так, в статье **С. Витт** рассматривается формирование понятия «советская школа перевода» и детально прослеживается, как складывался этот концепт в контексте саморефлексии переводческого сообщества в период первого послевоенного десятилетия. Автор рассматривает дискурсы, в терминах которых конструировалось представление о «советской школе перевода». В статье **М.-К. Лотман** и **Э. Сютисте** анализируется сущность компенсаторного метода в переводе на основе его истолкований в западном и русско-советском переводоведении. Авторы предпринимают попытку выяснить, в какой мере применима компенсаторная стратегия к переводам с древнегреческого, английского и русского языков, опубликованным в Эстонии в середине 1960-х гг. В статье исследуются переводы Софокла, Аристофана, Демосфена, Геродота, Х. Ли, У. Голдинга и А. С. Пушкина на эстонский язык. В работе **Д. Монтичелли** об эволюции взглядов Ю. М. Лотмана на феномен и процесс перевода демонстрируется, что понятие перевода в поздних трудах ученого описывается как аналог взаимодействия между разными семиотическими системами.

В статьях второго раздела сборника идет речь о школьном учебнике как важнейшем инструменте перевода или трансляции идеологии. Поскольку школа — это государственный институт, программы и учебники проходили и проходят серьезный отбор с точки зрения соответствия государственной идеологии и политике. В последние десятилетия в исследовательской литературе уделяется все более пристальное внимание участию школы в идеологическом строительстве. Так, Дэвид Бранденбергер подверг анализу сдвиг советской идеологии от интернационализма 1920-х гг. к сталинскому «руссоцентризму» середины 1930-х и проследил роль реставрации школьного курса истории и первых советских «имперских» учебников в этом процессе⁴. В частности, он показал, какого направления придерживался Сталин, когда лично редактировал рукопись первого «Краткого курса истории СССР» (1937) А. В. Шестакова. Впоследствии это пособие использовалось в качестве основного как в начальной, так и в средней и даже высшей советской школе. Как известно, формируя новое историческое сознание советских людей, Сталин приказал ориентироваться на дореволюционные учебники истории, и в этой связи их изучение

⁴ *Brandenberger, D. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Harvard University Press, 2002 (см. русский перевод: Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). М., 2017. С. 39–86).*

с идеологической точки зрения приобретает особое значение. В статье **Л. Киселевой** как раз и рассматриваются проблемы перевода государственной идеологии на язык школьной истории на примере интерпретации периода петровских реформ в дореволюционных гимназических учебниках. Автор показывает, что школьная история в имперскую эпоху старалась не только следовать одному из центральных национальных мифов, но и «демифологизировать» эпоху и личность царя-преобразователя, показывать не только достижения этой крайне противоречивой эпохи, но и провалы, не только достоинства, но и недостатки личности самого Петра и страшную жестокость его методов.

Дореволюционные учебники служили отправной точкой и при конструировании национальной школьной истории в Эстонской Республике 1920–1930-х гг. **Т. Гузаиров** показывает, как происходил этот процесс на материале отображения начальных событий Северной войны в школьных учебниках. В отличие от российской и советской интерпретаций, эстонские авторы изображают русско-шведскую войну как национальную катастрофу, подчеркивая неприязнь эстонского народа к врагам и акцентируя разрыв с «чужим» государством. При создании эстонского исторического нарратива используются и «локальные» факты, подключаются свои национальные герои. Подобные «местные особенности» российская и советская школьная история игнорировали.

Работа **А. Сенькиной** посвящена такому уникальному виду учебных пособий, как журналы-учебники, которые создавались и использовались в начальной и средней школе в СССР в 1930–1932 гг. Они представляли собой также особую форму идеологического воздействия на советских школьников и, как показывает автор, совершили радикальный сдвиг от образовательного содержания к информационно-пропагандистскому, т. е. были направлены на решение задач не столько всеобщего обучения, сколько политического просвещения школьников советской страны. В статье **А. Веселко** изучаются первые советские учебники по русской литературе, которые появились в эстонской школе во второй половине 1940-х гг. На примере двух учебников демонстрируется, как политическая обстановка определяла стратегию учебного книгоиздания и тактику авторов-составителей учебных пособий.

Сюжет о попытке противостояния писателей и переводчиков государственным институтам советской власти развивается и в этом разделе тома. В статье **А. Пильд** анализируется дискуссия о «точном» и «вольном» переводах школьного хрестоматийного текста, завязавшаяся между Союзом

писателей и Министерством просвещения ЭССР в конце 1940-х гг. и закончившаяся победой литераторов.

Дальнейшие исследования участников нашего проекта будут осуществляться, по меньшей мере, в трех направлениях. Предполагается продолжить и методологически детализировать изучение форм и видов идеологического надзора над эстонскими переводчиками и редакторами издательств в 1940–1970-е гг.; расширить анализ независимой от официального заказа и/или противостоящей тоталитарному дискурсу переводческой деятельности в Эстонии; начать исследование учебно-педагогической литературы 1950–1970-х гг. с точки зрения представленных в ней способов передачи государственной идеологии.